

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Характеризуются основные культурные универсалии российской цивилизации: коллективность, государственность, социальное равенство, справедливость, духовность. Выявляется их специфика в сопоставлении с цивилизациями восточного и западного типов. Россия представлена как особый исторический тип цивилизации. Обосновывается вывод о том, что русская культура обладает чертами, позволяющими ей выступить в роли синтезирующего основания в процессе трансформации цивилизационных типов, сложившихся в истории человечества.

Ключевые слова: цивилизация, типы цивилизаций, русская культура, исторический синтез.

V.A. Tuyevev
V.S. Tkachev

RUSSIAN CULTURE IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONS SYNTHESIS

The article characterizes the universal cultural principles of the Russian Civilization: collectivism, federalism, social equality, justice, spirituality. Their special nature is shown in comparison with oriental and western types of civilizations. Russia is described as a special historical civilization type. The author concludes that Russian culture has features to become the basis for synthesis in the process of historical transformation of civilization types.

Keywords: civilization, civilization types, Russian culture, historical synthesis.

Ныне Россию однозначно зачисляют в разряд отсталых стран. При этом, естественно, опираются на постулат о базисном значении экономики. Между тем, размышляя в русле цивилизационного подхода, мы приходим к тому, что не экономика определяет культуру, напротив, культура является базисом для развития всех сфер общественной жизни, в том числе и экономики. В культурном же отношении Россия никогда не была отсталой страной. Более того, универсалии русской культуры имеют особую всемирно-историческую ценность, ибо Россия издавна была своеобразной лабораторией культурного синтеза. В результате интенсивного взаимодействия многих этнокультурных образований она выработала уникальные формы общественной жизни и духовной культуры, соединяющие в себе достоинства западного и восточного типов цивилизации. Эти формы стали органической частью культуры всех народов, населяющих Россию.

С подобной точки зрения Россия предстает как особая самостоятельная цивилизация. А.И. Герцен, по-своему истолковывая символику герба Российской империи, говорил: «...на российском гербе головы орла смотрят в противоположные стороны, но сердце у него бьется одно». Смысл этого образа состоит в том, что культура народов России представляет собой не конгломерат восточной и западной культур, а особый сплав, син-

тезировавший их влияние на основе самобытного исторического опыта. Именно в результате этого синтеза Россия стала «колыбелью народов». Ни одна народность, ни одно племя не исчезли с ее земли, пока она укрепляла свое государственное величие. Что же образует «сердце» российского орла, в чем заключается «тайна» русской народной души? А в более строгой формулировке — каковы основные универсалии русской культуры, ставшей «центром притяжения» для других народов России?

Ключевое звено русской культуры, ее фундамент, определяющий главные принципы ее построения, образует духовность. В самом общем смысле это приоритет духовного жизненного начала перед материальным, готовность пожертвовать материальным ради духовного, стремление к всемерному развитию духовной основы бытия. Разве не показателен такой факт, что на Руси в писаных завещаниях наследникам перечислялись вначале иконы, потом книги (в том числе светского содержания) и только после этого — драгоценности и все остальное имущество? Наиболее авторитетными жизненными наставниками для нас были именно книги. Наша литература — самая древняя, она древнее французской, немецкой, английской. И была она по преимуществу духовной, а не развлекательной и тем более не «скопидомской»: она не учила тому, как разбогатеть, — она размышляла о том, как устроен мир и что должен делать в нем человек, как он должен жить, чтобы устроить свою душу. Это были знаменитые летописи, былины, песни, сказки, сказания и т.д. Каковы же источники этого верховенства духовного начала в русской жизни?

Основу русского социального жизнеустройства образует коллективность, предполагающая социальное равенство и справедливость. В историческом опыте России выработана всеохватывающая этика коллективности, простирающаяся до «всесветности», «космичности» русского восприятия жизни. Коллективность противостоит индивидуализму, пронизывающему всю систему отношений западного общества. Но она, вместе с тем, не является аналогом корпоративности, «диктатуры коллектива», присущих традиционному восточному обществу. В русской культурной традиции реализуется некоторая оптимальная «пропорция» коллективного и личного начал общественной жизни.

В обществе традиционного типа человек слабо обособляется от коллектива, как бы сливается с ним, и это мешает развитию человеческой индивидуальности: здесь действует принцип «человек — для коллектива». Но если обособление становится чрезмерным, возникает феномен индивидуализма, противопоставляющий человека общественным структурам: «человек — против коллектива». И это ничуть не менее губительно для личности, поскольку утрата коллективистской интенции сознания, поведения и деятельности оборачивается для нее неизбежной потерей нравственных качеств, образующих основу духовности.

Подобная «диктатура личности» по отношению к коллективу, принципиальная направленность ее «на себя» ничем не лучше «диктатуры коллектива», сдерживающей развитие личности. Индивидуализм — антипод не только коллективности, но и индивидуальности тоже, поскольку он задает «античеловеческий» вектор развития: способствуя развитию некоторых, по преимуществу «активистских», свойств и способностей личности, он в то же время «обесчеловечивает» ее. В самом деле, личность чрезмерно энергичная, экспансивная, склонная к обладанию, к господству, к насилию, — личность этакого «суперме-

на», — опасна для общества, она его разрушает, подрывая основу человеческого существования.

Совсем иное дело — обособление индивида в такой мере, которая направляет его активность на коллектив. Тогда побуждения личности, ее действия и поступки обретают духовно-нравственную энергию. А это не только мощный фактор созидания, но и решающее социальное условие формирования подлинной индивидуальности, формирования личности, проникнутой высокой нравственностью, личности, склонной к самореализации в духовном творчестве. В России, по словам мыслителя-славянофила И.В. Киреевского, на месте личной самобытности или общественного самовластия господствует принцип: человек принадлежит миру, мир — ему. Этот принцип организации общественной жизни был воспринят в XX в. как культурная «матрица» русского социализма. В выборе пропорции коллективности-индивидуальности, оптимальной для тех условий как раз и кроется одна из великих загадок высочайшего духовного взлета, совершенного нашим народом в лучшие годы советской эпохи.

С коллективностью как универсалией культуры теснейшим образом связана соборность как способ единения людей на основе общей идеи и как форма организации общественного управления. В России государство выполняет функцию защиты всех населяющих ее народов и граждан, поэтому ему отдается приоритет в сравнении с правами отдельного человека и гражданина. Демократия западного типа, опирающаяся на формальное равенство граждан перед законом, не соответствует сложившейся в русской культуре пропорции рациональности-иррациональности, в которой преобладает иррациональная составляющая. Поэтому необходимым элементом общественного самоуправления в России выступает принятие решений на основе коллективного обсуждения и «консенсуса». Избирательное право, реализуемое западным человеком индивидуально, тем более неприемлемо для граждан России, что в современных условиях всеобщим явлением стало манипулирование общественным мнением с помощью телевизионных избирательных «технологий».

Именно на коллективно-соборных формах организации общественной жизни как раз и базируются принципы русской духовности. Среди них особую роль играет государственно-державный патриотизм. Человек, принадлежащий к русской культуре, видит в государстве не только форму общественной организации, но и особую духовно-нравственную ценность. Для него государство, его интересы — это предмет сакрализации, обожествления. Государственная власть для него, по словам П.Б. Струве, «...есть своего рода очарование или гипноз» [4, с. 485]. Поэтому русский человек не мыслит своего счастья отдельно от благополучия и могущества государства. Более того, он способен поставить счастье Родины выше личного или семейного счастья. Для него патриотическое чувство — выражение глубинных потребностей души. Поэтому в своем служении государству он остается внутренне, духовно свободным. Каждый из нас в ответе за всю страну, и это — центральный «нервный узел» русской духовности. Если, к примеру, американец живет для себя, и его престиж измеряется тем, что он имеет, то для нашего соотечественника престиж определяется тем, что он сделал для народа, для государства.

На Западе основной критерий успеха — собственность, у нас же — нравственное, духовное совершенствование. Там произошло историческое отступление от католицизма к протестантству, в результате чего возторжествовал рационализм, а вместе с ним — материальный «успех».

В противоположность этому Россия представляет собой тип жизни, где преобразующая деятельность и ее результаты, эффективность социальных «технологий» и т.п. не являются определяющими для характера миропонимания, ибо главное здесь — те духовные ценности, которые стоят за этой деятельностью, те общественные интересы, которым она служит.

В российской православной традиции даже и труд ценен постольку, поскольку он способствует общему делу и развитию духовности. Ценность представляет не сам внешний результат деятельности, а то, что в процессе его достижения человек развивает свои способности. «Творящий человек, — писал Н.А. Бердяев, — причастен природе божественной, в нем продолжается богочеловеческое творение» [1, с. 364]. Персонализация как движение личности к богу — вот главная составляющая творческой деятельности субъекта. Отсюда ценностно-рациональный стиль мышления русского человека, позволяющий сознательное соподчинение, «ранжирование» его собственных жизненных предпочтений сообразно их общественной значимости.

Наконец, русская культура содержит в себе такие нравственные императивы, как социальное равенство и справедливость. При этом социальное равенство понимается не как примитивная «уравниловка», а как равенство социальных возможностей для становления и самореализации личности. Выражением такого понимания равенства является великий принцип «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Здесь в качестве единой меры человеческого достоинства выступает трудовой вклад индивида в преумножение общественного богатства, и применение этой меры воспринимается каждым членом общества как справедливость. А человек, причастный к русской культуре, не может быть доволен жизнью, если он не ощущает высшей, нравственной справедливости в общественной оценке достоинства каждой личности.

В России, по Л.Н. Гумилеву, царствует добро. Русский человек стремится к гармонии с самим собой и к постоянному нравственному совершенствованию. Но ему этого мало: он чувствует себя призванным всюду утвердить эту гармонию и высший божественный порядок на основе духовного единства. Масштаб счастья для русского человека существенно определяется счастьем других людей, и не только «ближних», но и «дальних». С. Цвейг, размышляя о русской литературе, отмечал: «Герои Диккенса мечтают о маленьком домике, теплом очаге и благополучии своего потомства, герои Бальзака грезят высокими титулами и миллионами, герои Достоевского и Толстого никогда не помирятся на личном только счастье, для них счастье — это счастье всего народа, всего человечества, они так устроены, что живут идеей космического совершенства».

Все реформы, проводившиеся в нашей стране, и, особенно, в последнее десятилетие, были так или иначе направлены на размывание этой общинной основы российской жизни и духовно-нравственных оснований российского менталитета, на внедрение частнособственнического начала в общественную жизнь и общественное сознание. Реформы, проводимые нынешними «демократами», особенно «жестко» направлены на изменение социокультурного «генотипа» общества путем подавления русской культурной традиции, которая рассматривается как главная помеха тотальной вестернизации страны и превращения ее в резервуар энергоносителей, необходимых для процветания «золотого миллиарда».

Поскольку наши культурные традиции наиболее ярко выражены в великой русской литературе, именно ее внутренний «стержень» был

сломлен воинствующим западничеством, в первую очередь. Об этом с болью пишет В.Г. Распутин: «Дух новой литературы в России, наступивший после 1985 г. и особенно после 1991 г., можно выразить словами Смердякова из романа Достоевского: «Россия-с, Марья Кондратьевна, одно невежество... Я думаю, что эту проклятую страну надо завоевать иностранцам». И — на десять лет пошла гулять, как обретенная истина, смердяковщина. Все — по чужим образцам. Все — на чем тысячу лет стояла Россия — в шутовском экипаже на свалку. <...> Культура, имеющая великое прошлое, та культура, которая принесла в мир эпический размах человеческой ценности и красоты, штурмуется бушующим обезьяньим кривлянием».

Между тем, учитывая сказанное о нравственных императивах русской культуры, о ее всесветности и всечеловечности, т.е. обращенности ко всем народам мира, есть смысл говорить об особой ее миссии в синтезе цивилизаций. В свое время о мировой ценности русского жизнеустройства писал А.С. Хомяков: «Эта жизнь хранит много сокровищ не для нас одних, но, может быть, и для многих, если не для всех народов» [3, с. 22]. Сегодня, в эпоху кризиса западных ценностей, мы имеем гораздо больше оснований для подобных суждений. Интересны в этом отношении размышления современного аналитика С.Е. Кургияна: он приходит к мысли о том, что Россия даже в современном ее состоянии обладает культурным потенциалом, необходимым для «запуска» нового цивилизационного проекта, который позволит преодолеть и кризис эпохи модерна в целом [2]. Именно русская культура могла бы послужить «матрицей» цивилизационного синтеза, прежде всего, в том, что касается нравственности и духовности — определяющих начал как общественной, так и личной жизни.

Для нас, как и для любого народа, нет ничего ценнее, нежели социально-исторический опыт, отраженный, в частности, в национальном менталитете. Менять менталитет в угоду стандартизированным формам и моделям экономического роста, это все равно, что телегу ставить впереди лошади: менталитет является главной культурной ценностью как раз потому, что он наиболее эффективно обеспечивает также и выживание народа. «Слом» менталитета не только не обеспечит такое выживание, — он чреват опасностью движения к социально-культурному небытию нации. Задача состоит, следовательно, в том, чтобы реформирование общества привести в соответствие с национальным менталитетом, а никак не наоборот.

Основой сознания в случае такого синтеза выступали бы не «целерациональная», не экономическая, а экологическая и нравственная составляющие, которые, в свою очередь стали бы ведущими регуляторами экономических процессов. На место формальной демократии могла бы стать демократия «соборного» типа, предполагающая совместную выработку решений и прогнозов будущего. Смысл человеческой жизни стал бы в возрастающей мере определяться не уровнем удовлетворения первичных потребностей, а уровнем развития духовных потребностей личности. Однако для того, чтобы человечеству двигаться в этом направлении, нам самим надо повернуться лицом к отечественным культурным ценностям, а не держать голову вечно повернутой на Запад. Так будет, несомненно, лучше для нас, да и для Запада тоже. Ибо, скажем, перефразируя одного классика философской мысли: «анатомия» нашей цивилизации может послужить не только «ключом» к постижению «анатомии» Запада, но и рычагом для ее совершенствования.

Список использованной литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. — М.: Правда, 1989. — 608 с.
2. Кургинян С.Е. Аналитика судьбы: Россия и агония модерна / С.Е. Кургинян. — Завтра. — 2012. — № 34.
3. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 8 т. — М., 1900. — Т. 1.
4. Хрестоматия по политологии / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. — М.: Гардарики, 2000. — 843 с.

Referenses

1. Berdyayev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva / N.A. Berdyayev. — M.: Pravda, 1989. — 608 s.
2. Kurginyan S.E. Analitika sud'by: Rossiya i agoniya moderna / S.E. Kurginyan. — Zavtra. — 2012. — № 34.
3. Khomyakov A.S. Mnenie inostrantsev o Rossii / A.S. Khomyakov // Poln. sobr. soch.: v 8 t. — M., 1900. — T. 1.
4. Khrestomatiya po politologii / sost. M.A. Vasilik, M.S. Vershinin. — M.: Gardariki, 2000. — 843 s.

Информация об авторах

Тувев Василий Афанасьевич — доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: tuev-va@isea.ru.

Ткачев Валерий Сыроевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: tkachev@isea.ru.

Authors

Tuev Vasily Afanasyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: tuev-va@isea.ru.

Tkachov Valery Sysoevich — Doctor of Philosophy, Professor, Chairholder, Chair of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: tkachev@isea.ru.